

УДК 93/94

DOI: 10.29039/2413-1741-2024-10-2-89-100

К ВОПРОСУ О ВЗГЛЯДАХ НА РЕЛИГИЮ И БОРЬБУ С НЕЙ СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В 1918–1928 ГГ.

Кузнецова А. А.

*Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Российская Федерация
E-mail: kuznetsova_aa@surgu.ru*

Анализируются представления и взгляды крупных советских деятелей о религии, ее месте в обществе и борьбе с ней в период с 1918 по 1928 гг., когда происходит постепенное утверждение советской власти. Автор приходит к выводу, что взгляды советских деятелей на религию в этот период можно охарактеризовать как относительно либеральные и только на рубеже 1928–1929 гг. они начнут постепенно радикализироваться по ряду причин. Рассмотрены основные методы, предлагаемые властями в ходе борьбы с религией. Обращается внимание на то, что в текстах и речах деятелей неоднократно подчеркивается важность постепенного и ненасильственного искоренения религиозного мышления из общества. Однако после 1928 г. в речах начинают появляться обвинения в контрреволюционной деятельности и требование усиления нажима на религиозные организации и их лидеров, изменения характера проводимой политики в отношении церкви.

Ключевые слова: религия, Советский Союз, церковь и власть, большевики, атеистическая пропаганда.

В начале 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР подписал декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. С этого момента начинается долгая и сложная история взаимоотношений власти и религии в Советском государстве. На протяжении существования Советской России и Советского Союза положение религиозных организаций будет изменяться в зависимости от различных факторов. В данной статье представлена попытка проанализировать систему взглядов советских государственных деятелей относительно существования религии в российском обществе и предлагаемые методы борьбы с религиозным сознанием населения.

Вопросу взаимоотношений власти и религии в разные эпохи существования Советского Союза посвящено немало работ, как отечественных, так и зарубежных авторов. Исследуя государственно-церковные отношения в СССР, А. А. Федотов, приходит к выводу, что в силу того, что в России накануне революции 1917 г. общество не представляло из себя глубоко религиозных людей, наблюдался кризис православной церкви, и большевики, придя к власти, своей политикой сумели достигнуть определенных успехов: «Революция вскрыла тот духовный нарыв, который созрел в Российской Церкви и обществе, а также способствовала уходу из Церкви тех, кто находился в ней из меркантильных побуждений, а также способствовал религиозному сопротивлению тех, кто до революции не шел в

Церковь, видя в ней бюрократическую машину» [24, с. 14]. Похожего взгляда придерживается Д. В. Поспеловский в монографии «Русская православная церковь в XX веке» [17, с. 34]. Кроме того, автор приходит к выводу о том, что, оценив роль православной церкви в обществе (ведь с точки зрения формальных цифр церковь была мощнейшей организацией), большевики, первоначальной задачей поставили уничтожение именно национальной церкви. В достижении этой цели, они сделали ставку на союз с другими конфессиями или, как минимум, поставили задачу обеспечить нейтралитет с их стороны [17, с. 60].

Один из ведущих специалистов по истории Русской православной церкви – М. В. Шкаровский говорит о том, что в годы революционных потрясений и Гражданской войны многими русскими людьми, недовольными своей жизнью, церковь расценивалась как соратник монархии, монархия и церковь воспринимались как единое целое, поэтому в годы антирелигиозной политики, большевики могли встречать значительную поддержку своих действий на местах со стороны населения [25, с. 60].

Другой исследователь истории православной церкви в России – Г. Штриккер, описывая положение духовенства в первые годы советской власти и указывая на изначально ненавистническое отношение лично В. И. Ленина к религии, ссылается на «Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б)» от 19 марта 1922 г., ставшее уже классикой для сторонников идеи о желании Ленина подавить религию решительно и беспощадно в Советском Союзе [18, с. 22]. Однако М. Ю. Смирнов в статье «Религия и Библия в трудах В. И. Ленина: новый взгляд на старую тему» приводит ряд аргументов, которые заставляют усомниться в подлинности этого документа [19, с. 107].

Таким образом, эти и многие другие исследования либо рассматривают непосредственно политику и мероприятия, проводимые властями в отношении религиозных организаций, либо изучают реакцию и попытки «выжить» в сложившихся условиях верующих людей и представителей церкви. Поэтому для полноты картины на наш взгляд, необходимо обратиться к пониманию роли религии в обществе с точки зрения отдельных, наиболее крупных представителей государства, к тому, как они представляли искоренение религии из общества в период становления советской власти и период, который некоторые исследователи именуют «религиозным нэпом» [3, 8, 25]. Стоит добавить, что еще в 1945 г. зарубежные авторы отмечали существенные отличия в ленинском подходе во взаимоотношениях советской власти и Русской православной церкви и «зигзагообразной политикой», принятой позднее Сталиным [1]. В современной историографии подобных взглядов придерживаются, например, такие исследователи как М. И. Одинцов [14], М. В. Шкаровский [25] и другие.

Наше исследование опирается на такие источники, как стенограммы выступлений В. И. Ленина, проект программы РКП (б), работы и выступления Н. И. Бухарина, письма Л. Д. Троцкого членам политбюро и отрывки его сочинений, отрывки из сочинений И. В. Сталина, доклад Г. Е. Зиновьева с политическим отчетом ЦК, стенограмма обсуждения вопроса о мерах по усилению

антирелигиозной работы на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), циркулярное письмо ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», подписанное Л. М. Кагановичем.

Для того, чтобы разобраться каким образом видели борьбу с религией большевики в советском обществе, необходимо охарактеризовать истоки неприятия религиозного мышления большевистскими лидерами. Так, Н. И. Бухарин, отвечая на вопрос «почему партия коммунистов – решительная противница религии?», обращается к корням ее возникновения. Утверждая, что наука уже ответила на данный вопрос, Николай Иванович указывает, что истоки религии лежат в почитании наиболее опытных, старших, богатых членов общества: «почитание душ умерших богатых – вот основа религии». Таким образом, с первых строк своего повествования, автор делает акцент на богатстве почитаемых. Объясняя же возникновение конкретно православной веры, автор снова обращает внимание на «чинуш-обирал», самодержавие византийского монарха с его множеством министров. Еще более отчетливо причину недовольства религией Бухарина можно увидеть далее по тексту, где он проводит параллели церковного устройства и светского государства, приходя к выводу, что «вера в бога – это вера в рабство», а религия – тормоз прогресса, поскольку некоторые верующие объясняют происходящие в природе и обществе явления религиозными мифами, поэтому «такого человека невозможно поднять ни на какую борьбу». Как результат, Бухарин делает вывод о том, что религия может быть полезна только для общества капитализма и как отличный способ «для одурачивания народа» [4, с. 1–5].

Большевики были склонны называть наличие религиозности в русском обществе и значительное влияние церковных иерархов «религиозными пережитками». В газете «Правда» за 12 июля 1923 г. Л. Д. Троцкий говорит о том, что веры в русском рабочем классе нет, «или почти нет». Существование же различных религиозных пережитков в русском обществе он объясняет вполне рациональными причинами: силой привычки, отсутствием различного досуга и воли у русского человека: «светло в церкви, нарядно, людно, хорошо поют, – целый ряд общественно-эстетических приманок, которых не имеют ни фабрика, ни семья, ни будничная улица» [23, с. 25]. Привычка религиозного поведения связывается Троцким в большей степени с женщинами, а наличие икон в доме с тем, что они когда-то давно были приобретены и без них будет русскому человеку непривычно.

Аналогичные идеи относительно религиозности женщин встречаем и в словах В. И. Ленина на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. Находясь многими поколениями в условиях патриархального общества, практически не имея никаких прав, женщины были «домашними рабынями» – резюмирует Владимир Ильич. Первостепенное значение в борьбе с религиозными пережитками Ленин отводит работе с женщинами в деревнях, поскольку там «еще преобладает церковный брак, – этому мы обязаны влиянию священников, с этим злом труднее бороться, чем со старыми законами, так как влияние духовенства нельзя отменить декретом» [5, с. 26–27].

По мысли Троцкого, социалистического строя невозможно достичь, без полной ликвидации религии. Объясняет он это тем, что техника «освобождает человека от унижительных форм зависимости от природы», кроме того, общественные отношения при социализме «лишены загадочности», они «прозрачны насквозь и не давят человека» [9, с. 216]. Закономерно, что на службу против религии должна была встать наука. И. В. Сталин, отвечая на один из вопросов в беседе с американской рабочей делегацией, отмечал, что «партия ведёт антирелигиозную пропаганду против всех и всяких религиозных предрассудков, потому что она стоит за науку, а религиозные предрассудки идут против науки» [21, с. 132].

Подводя итог первому вопросу, на который мы попытались ответить, можно заключить, что религию большевики полностью ассоциируют с буржуазным, капиталистическим обществом, где она является средством введения масс в различные заблуждения, а следствие этих заблуждений – отсутствие прогресса и построения общества социализма, где все равны вне зависимости от национальности или религии. Именно поэтому религиозное мировоззрение становится объектом борьбы и искоренения. Исследователь М. И. Одинцов также отмечает, что большевики имели весьма недостаточные и обобщенные представления о религиозной ситуации в государстве, о положении и состоянии дел в различных церквях и деноминациях, кроме того серьезных теоретиков в вопросах свободы совести и религиоведения в стране было недостаточно [14, с. 19].

Следующим важным моментом, на наш взгляд, стоит отметить представления советских лидеров о том, как именно нужно бороться с религиозными пережитками.

В первые годы утверждения советской власти и в ситуации продолжавшейся Гражданской войны, бороться с религиозными предрассудками масс большевики предпочитали очень осторожно. В проекте программы РКП (б) о политике по отношению к религии Ленин сформулировал дальнейшие планы по искоренению «связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, а также к фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков». Так, во главе угла ставится научно-просветительская и антирелигиозная пропаганда. Важно подчеркнуть, что Ленин декларирует необходимость избегания «всякого оскорбления чувств верующих» [9, с. 127], поскольку это только укрепляет религиозный фанатизм. В целом, концепт «оскорбления чувств верующих» будет фигурировать довольно часто в речах не только Ленина, но и других деятелей, однако это указывает и на то, что, по всей видимости, не оскорблять этих чувств получалось все реже.

Также имеются факты, свидетельствующие о том, что до завершения ключевых событий Гражданской войны, советские власти старались по возможности избегать демонстративного уничтожения церквей и массовых репрессий в отношении религиозных людей. Так, верующие Ягановской волости Череповецкого уезда обратились к В. И. Ленину с просьбой о разрешении достроить местный храм, Ленин поддержал их инициативы и ответил на обращение 2 апреля 1919 г.: «Окончание постройки храма, конечно, разрешается...» [Цит. по: 19, с. 111]. На терпимом и внимательном отношении к православным настаивает Владимир Ильич

и накануне празднования Пасхи в апреле 1921 г. в указании В. М. Молотову: «...в газетах напечатано письмо или циркуляр ЦК насчет 1 мая, и там сказано: разоблачать ложь религии или нечто подобное. Это нельзя. Это нетактично. Именно по случаю Пасхи надо рекомендовать иное: не разоблачать ложь, а избегать, безусловно, всякого оскорбления религии» [Цит. по: 19, с. 111].

Не ограничиваясь терпимым отношением к православной церкви, имеются данные и о требованиях В. И. Ленина к реввоенсовету Кавказского фронта: «обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам... демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам» [Цит. по: 19, с. 111]. В 1921 г. Владимир Ильич получил личное обращение с жалобой на турецкие притеснения от председателя ЦК объединенных духоборческих общин Тифлисской губернии П. П. Веригина. В ответ Ленин обязал соответствующие инстанции: «примите все возможные меры» для помощи коммунам духоборов в Ахалкалакском районе советской Грузии [Цит. по: 19, с. 111].

М. Ю. Смирнов, детально изучив взгляды В. И. Ленина на религию, пришел к выводу, что не сама религия или вероисповедные доктрины вызывали враждебность, а именно претензии церковных организаций на значимую роль в обществе, претензии социально-экономического и политического характера – вот что вызывало наибольшее неприятие [19, с. 112]. Тем не менее, практически все, из изученных нами источников, говорят об идеях ненасильственной борьбы, которые предлагают большевики в 1920-е гг. «Только медленное и терпеливое воздействие может принести плоды» [10, с. 10] – пишет Ленин. Бухарин также отмечает, что с религией нужно бороться убеждением [4, с. 6].

В 1922 г. в РСФСР началась кампания по изъятию церковных ценностей под предлогом борьбы с голодом. Руководил данной кампанией Л. Д. Троцкий, довольно ясно изложивший свое видение методов борьбы с религией в письмах членам политбюро. Так, при организации агиткампаний, Троцкий прямо указывает на то, чтобы ни в коем случае это не носило открытый антирелигиозный характер, а выглядело исключительно как помощь голодающим. Также предлагается активная демонстрация самих голодающих, т.е. использование их как марионеток, для продвижения более активной политики изъятия церковных ценностей.

Отдельного внимания заслуживает «беспокойство» Троцкого о сохранности изымаемых культурных ценностей: «... принесло бы величайший вред, если бы при извлечении ценностей проявлен был вандализм, невнимание к историко-художественным ценностям и пр». Поскольку случаи вандализма были бы преданы огласке и впоследствии усложнили проведение дальнейшей кампании [16]. Троцкий использует давний принцип «разделяй и властвуй», призывая посеять раскол между священниками, поддерживающими политику изъятия и не приемлющими ее. Крупных деятелей церкви также предлагалось не трогать, дабы не вызывать гнев со стороны населения, таким образом, большевики четко осознают, что в ситуации неоконченной гражданской войны, было бы глупо применять силу в отношении как верующих, так и видных представителей духовенства.

Методы большевиков, которые могли бы противостоять религиозной пропаганде церкви и священников, включали в себя отсутствие финансирования церковей, недопустимость вмешательства церкви в обучение детей, т.к. – пишет Бухарин – в прежние времена из-за такого положения она воспитывала «людей, которые бы умели терпеть, слушаться и подчиняться» [4, с. 5–6]. При этом, однако, Николай Иванович допускает мысль о том, что негосударственные организации или отдельные лица могут спонсировать церковь.

В рассматриваемый период большевики важное значение в деле борьбы с религиозными идеями отводили клубной форме деятельности, полагая, что человек, который чаще обращается к различным клубам, а не теснится в «семейной квартирке с иконой и лампадкой» [9, с. 213] имеет больше возможностей освободиться от религиозных пут.

Отдельным средством, которое должно было помогать бороться с религией являлся кинематограф, который по силе влияния, Троцкий сравнивает с церковью и сравнения эти, разумеется, не в пользу последней. Так, лишний раз Лев Давыдович подчеркивает богатое убранство, разветвленную церковную иерархию, при том, что зрелищность церкви куда скуднее, чем в кино. «В церкви показывают только одно «действие», и притом всегда одно и то же, из года в год, а кинематограф тут же, по соседству или через улицу, в те же дни и часы покажет и языческую пасху, и иудейскую, и христианскую, в их исторической преемственности и в их обрядовой подражательности» [23, с. 26]. Кинематограф, в рассуждениях Троцкого, является не просто средством развлечения, но и просвещения, что в последствии освободит человека от необходимости переступить порог церкви. «Кинематограф – великий конкурент не только кабака, но и церкви. Вот орудие, которым нам нужно овладеть во что бы то ни стало!» [23, с. 26].

Классическим же вариантом борьбы с религиозными предрассудками и мышлением было распространение журналов и газет атеистической направленности, таких как, «Безбожник у станка», «Атеист», «Антирелигиозник», «Революция и церковь» и др. Однако, оценивая степень значимости и влияния на мировоззрение людей посредством печатных изданий, Троцкий отмечал ее явную недостаточность: «журнал, который, вероятно играет свою положительную роль в определенных, преимущественно, городских кругах, но который все-таки вряд ли идет по главной дороге борьбы с религиозными предрассудками. Там неустанно ведется дуэль с Иеговой, Христом, Аллахом, единоборство талантливого художника Моора с Богом, из номера в номер. Мы с вами, конечно, целиком на стороне Моора. Но если бы мы делали только это, или, если бы это было основной работой, то, я боюсь, что дуэль закончилась бы вничью...» [9, с. 212].

Таким образом, в представлениях советских лидеров о том, как именно нужно бороться с религиозным мышлением масс, можно обнаружить стремление к планомерному, постепенному ее искоренению, без грубых попыток оскорбить чувства верующих, но при этом атеистическая работа, безусловно, должна была носить антирелигиозный характер, показывать религию и религиозные убеждения как нечто отрицательное. Обсуждения религиозных вопросов сопровождаются

всегда негативными коннотациями, такими как «зло», «предвзвешенность», «одурачивание народа», «рабство» и т.п. На уровне же практики в отношении простых верующих в городе и деревне, государство стремится заменить религиозные обряды «социалистическими», при этом, действуя также поступательно, не решаясь покончить с религией в одночасье [12, с. 194]. Например, стали предприниматься попытки заменить церковный обряд крещения новой, советской гражданской церемонией, получившей названия «октябрин» или «звездин». Также, в 20-е гг. XX века в СССР появились безрелигиозные обряды – красные свадьбы и многие другие элементы так называемой «советской гражданской религии» [22, с. 312, 329].

В период религиозного нэпа отношение к церкви крайне негативное, но к рядовым верующим его скорее можно охарактеризовать как либеральное, первые лица государства это выражают недвусмысленно: «Религия – это проклятая идеология, которая имеет глубокие корни в душе современного человека. Поэтому мы должны и можем терпеть людей, которые еще религиозны, которые еще находятся на полпути к революционному пониманию. Мы можем иметь терпение, пока мы этих людей не сделаем сознательными. Но отсюда нельзя сделать вывод, что партия должна заниматься религиозной пропагандой» [9, с. 179] – говорит Н. И. Бухарин на пленуме исполкома Коминтерна в июне 1923 г. В этом же духе выступает Г. Е. Зиновьев на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., заявляя о необходимости соблюдать осторожность в вопросах религии, поскольку «нужно помнить о крестьянине, от которого очень и очень много зависит». Зиновьев прекрасно понимает, что для перевоспитания крестьянина нужны годы. «Мы не отказываемся ни на йоту от атеистических взглядов, ни на йоту от Маркса, но мы должны помнить, что к этому вопросу необходимо подходить осторожно» [9, с. 173].

Отдельные исследователи высказывают мнение, что во второй половине 1920-х гг. государственная политика в отношении всех конфессий была унифицирована и приобрела форму жесткой и бескомпромиссной антирелигиозной борьбы [2, с. 3], однако в речах и Сталина, и Троцкого можно по-прежнему увидеть вполне взвешенный подход к борьбе с религиозным сознанием в широких слоях населения [21, 23]. М. В. Шкаровский по этому поводу также пришел к заключению, что с середины 1920-х гг. в партии обозначилась сторона более мягкого курса по отношению к религии, возглавляемая Н. И. Бухариным, и в это время «отнюдь не ставилась задача расправиться с религией «железной рукой пролетариата в два счета»» [25, с. 111]. Поэтому нам также представляется, что в рассматриваемый период, представители власти в целом, еще верили в действенность тех мер, которые они предлагали, а в условиях, когда необходимо обеспечить экономическую и политическую стабильность в стране, это было еще и крайне желательно.

Но уже на рубеже 1928–1929 гг. стало очевидно, что вытеснить религию из общества так и не получилось теми методами, о которых говорилось выше. Проблемы в сфере атеистической пропаганды стали очевидны. И в это же время

риторика советских государственных деятелей начинает меняться. Так, Л. М. Каганович фиксирует существенные недостатки антирелигиозной пропаганды: «Она носит характер такой деятельности в отношении пропаганды, которая была допустима в подполье, но не тогда, когда у нас в руках государственная власть. Эту работу нужно шире поставить, и в отношении антирелигиозной пропаганды мы самым безобразным образом отстаем» [6]. Своим оппонентам на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), настроенным довольно оптимистично относительно результатов антирелигиозной работы, Каганович заявляет о недооцененности политического значения религиозных организаций в Советском государстве, а также об опасностях, которые они представляют. Указывая на все еще огромное количество в пятьдесят тысяч церквей, их разветвленность и относительную самостоятельность, Каганович отмечает с беспокойством, что закрыто по стране всего 3%. «Сколько же этому противопоставляется клубов? – 4000. Вот пропорция: 50 тысяч храмов и 4 тысячи клубов. [...] То, что мы имеем здесь легальные контрреволюционные организации, это совершеннейший факт» [6].

Лидеры партии в окончательной редакции постановления «О мерах по усилению антирелигиозной работы» [15] отмечают, что религии в стране противопоставлен только один «Союз воинствующих безбожников», в то время как, комсомол практически не занимается систематической антирелигиозной пропагандой. Обвиняются и профсоюзы, которые в подавляющем большинстве, не ведут антирелигиозную работу. Кроме того, негодование руководства партии вызывает нейтральное отношение к вопросу о религии со стороны некоторых организаций. Военнослужащие Красной армии также упрекаются в отсутствии систематической массовой антирелигиозной пропаганды [15]. Различные средства и формы воздействия на религиозное сознание людей признаются совершенно неработоспособными, отмечается незначительность антирелигиозной печати, а общая же периодическая печать, по мнению членов политбюро, и вовсе не уделяет достаточного внимания вопросам антирелигиозной пропаганды. Проблемы с атеистической пропагандой наблюдались также и в кино, и в театрах. Таким образом, констатирует протокол, религиозные организации не встречали, совершенно, никакого сопротивления своей деятельности [15].

Поэтому в ходе обсуждения вопроса о мерах по усилению антирелигиозной работы начинают формулироваться предложения, что «Союз безбожников» «либо должен доставлять подготовленные кадры работников, либо мы должны включить в Союз безбожников всю безбожную партию и весь безбожный комсомол» [6]. В Союзе остро ощущалась нехватка кадров, которые могли проводить атеистическую пропаганду на профессиональном уровне. В заключении обсуждения было выдвинуто три пункта, которые должны были улучшить ситуацию с искоренением религии из общества. Во-первых, ставился вопрос о необходимости подготовки кадров. Во-вторых, ставилась задача активизировать всю партийную и комсомольскую массу в деле антирелигиозной пропаганды. И третья, самая

радикальная задача – борьба с выкорчевыванием кадров контрреволюционных священнослужителей [6].

Таким образом, в ситуации, когда страна переходила к плановой экономике, власть безраздельно находилась у большевиков, эпоха нэпа заканчивалась, а режим ужесточался, прежние меры казались уже недостаточными.

На рубеже 1928–1929 гг. в документах все чаще можно встретить обвинения религиозных организаций в трудностях формирования социалистического общества, антисоветской деятельности, а также прямые обвинения в адрес «верхушки» религиозных организаций в том, что «религиозные верования сплошь и рядом служат лишь прикрытием их антисоветской деятельности» [15]. Такую деятельность предлагается уже не терпеть, но в то же время, Л. М. Каганович призывает к тому, чтобы все административные меры сопровождались разъяснительными мероприятиями для трудящихся о том, что «меры принимаются против антисоветской, а не религиозной деятельности религиозных обществ» [7].

Итак, в результате изученных нами документов и литературы, можно сделать вывод, что в 1918–1921 гг., когда большевики еще не обладали достаточным авторитетом, страна находилась в состоянии Гражданской войны, а затем, в 1921–1928 гг. в силу тяжелых последствий произошедших событий и необходимости введения нэпа, антирелигиозные идеи и речи советских государственных деятелей носили непримиримый характер, однако большевики не призывают к применению силы, осознавая еще слабость своей власти. Главным направлением было разоблачение «антинародной деятельности» религиозных организаций. Полагаем, что и позиция «вождя революции» – Ленина имела важное значение. Вероятно, его смерть существенно повлияла на дальнейшее усугубление ситуации в отношении церкви в середине и второй половине 1920-х гг. Отдельные исследователи отмечают, что в период с сер. 1920-х и до 1928 г. в ВКП (б) разворачивалась жесткая полемика вокруг религиозного вопроса, а в 1929 г. она окончилась триумфом И. В. Сталина и его соратников, что означало переход партийно-советского аппарата на строительство атеистического государства [14, с. 21]. Окончательно укрепив свои позиции, представители власти несколько меняют и интонацию в своих речах относительно антирелигиозных мероприятий, форм и методов борьбы с религией. В текстах документов все чаще встречаются обвинения церкви не просто в «одурачивании народа», но и в контрреволюционной деятельности. В 1928 – 1929 гг. обозначится новый этап взаимоотношений церкви и государства, который исследователи также именуют как этап «воинствующего безбожия и большевистского антирелигиозного террора» [11], а роспуск Антирелигиозной комиссии, занимавшейся воплощением в жизнь декрета об отделении церкви от государства в 1929 г. показал, что борьбу с религиозными организациями начинают спецслужбы [3, с. 113]. Закончился период неопределенности в вопросах религии и началась развязка трагического конфликта религии и Советского государства.

Список использованных источников и литературы

1. Religion in the Soviet Union. // Workers International News, October 1945. URL: <https://socialist.net/religion-in-the-soviet-union/>
2. Алпыспаева Г. А., Жуман Г., Саметова Г. С. Государственно-конфессиональная политика советской власти и ее особенности в Казахстане в 1920-х гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук.– 2021.– № 1(76).– С. 3–11.
Alpyspaeva G. A., Zhuman G., Sametova G. S. Gosudarstvenno-konfessional'naya politika sovetskoi vlasti i ee osobennosti v Kazakhstane v 1920-kh gg. // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk.– 2021.– № 1(76).– S. 3–11.
3. Бадмаева Е. Н. Религиозная политика советского государства в период нэпа: на примере Калмыцкой автономной области // Via in tempore. История. Политология. 2009. № 1(56). С. 107–113.
Badmaeva E. N. Religioznaya politika sovetskogo gosudarstva v period nepa: na primere Kalmytskoi avtonomnoi oblasti // Via in tempore. Istoriya. Politologiya. 2009. № 1(56). S. 107–113.
4. Бухарин Н. И. Церкви и школа в Советской республике. / Н. Бухарин. – Пг.: Гос. изд-во, 1920. – 8 с.
Bukharin N. I. Tserkov' i shkola v Sovetskoi respublike. / N. Bukharin. – Pg.: Gos. izd-vo, 1920. – 8 s.
5. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917–1936 гг.): Сб. док. и материалов / Глав. архив. упр. при Совете Министров СССР, Центр. гос. архив Октябрьской революции, высших органов гос. власти и органов гос. упр. СССР, Глав. архив. упр. при Советах Министров РСФСР, Грузинской ССР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР; отв. сост. Ю. П. Дзагурова, Н. В. Михайлова. – М.: Мысль, 1979. – 370 с.
Velikii Oktyabr' i raskrepushchenie zhenshchin Severnogo Kavkaza i Zakavkaz'ya (1917–1936 gg.): Sb. dok. i materialov / Glav. arkhiv. upr. pri Sovete Ministrov SSSR, Tsentr. gos. arkhiv Oktyabr'skoi revolyutsii, vysshikh organov gos. vlasti i organov gos. upr. SSSR, Glav. arkhiv. upr. pri Sovetakh Ministrov RSFSR, Gruzinskoi SSR, Azerbaidzhan-skoi SSR, Armyanskoi SSR; otv. sost. Yu. P. Dzagurova, N. V. Mikhailova. – M.: Mysl', 1979. – 370 s.
6. Из стенограммы обсуждения вопроса о мерах по усилению антирелигиозной работы на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б). 10.12.1928. URL: <http://hrono.ru/dokum/1928dok/19281210ck.php>
Iz stenogrammy obsuzhdeniya voprosa o merakh po usileniyu antireligioznoi raboty na zasedanii Orgbyuro TsK VKP(b). 10.12.1928.
7. Из циркулярного письма ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (Утверждено ЦК ВКП(б) 24 января 1929 г.). URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1005110>
Iz tsirkulyarnogo pis'ma TsK VKP(b) «O merakh po usileniyu antireligioznoi raboty» (Utverzhdeno TsK VKP(b) 24 yanvarya 1929 g.).
8. Кияшко Н. В. Фактор «религиозного нэпа» в отношениях советской власти с православной церковью на юге РСФСР // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. №2. С. 132–150.
Kiyashko N. V. Faktor «religioznogo nepa» v otnosheniyakh sovetskoi vlasti s pravoslavnoi tserkov'yu na yuge RSFSR // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. 2022. №2. S. 132-150.
9. Конфессиональная политика советского государства. 1917-1991 гг.: Документы и материалы в 6 т. Т. 1 в 4 кн. 1917-1924 гг. Кн. 1. Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды / Отв. сост. М. И. Одинцов; сост. Ж. В. Артамонова, Н. М. Волхонская, А. С. Кочетова, А. В. Лукашин, Е. Л. Суббота. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 646 с.
Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva. 1917-1991 gg.: Dokumenty i materialy v 6 t. T. 1 v 4 kn. 1917–1924 gg. Kn. 1. Tsentral'nye rukovodyashchie organy RKP(b): ideologiya veroispovednoi politiki i praktika antireligioznoi propagandy / Otv. sost. M. I. Odintsov; sost. Zh. V. Artamonova, N. M. Volkhonskaya, A. S. Kochetova, A. V. Lukashin, E. L. Subbota. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2017. – 646 s.
10. Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы в 6 т. Т. 1 в 4 кн. 1917–1924 гг. Кн. 2. Центральные органы государственной власти и управления в

РСФСР: создание нормативно-правовой базы деятельности религиозных объединений / Отв. сост. М. И. Одинцов; сост. Ж. В. Артамонова, Н. М. Волконская, А. С. Кочетова, А. В. Лукашин, М. М. Одинцова. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 670 с.

Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva. 1917-1991 gg.: Dokumenty i materialy v 6 t. T. 1 v 4 kn. 1917–1924 gg. Kn. 2. Tsentral'nye organy gosudarstvennoi vlasti i upravleniya v RSFSR: sozdanie normativno-pravovoi bazy deyatelnosti religioznykh ob'edinenii / Отв. сост. М. И. Одинцов; сост. Ж. В. Артамонова, Н. М. Волконская, А. С. Кочетова, А. В. Лукашин, М. М. Одинцова. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 670 с.

11. Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917-го - конец 1930-х годов). – Волгоград: Перемена, 1997. – 367 с.

Krapivin M. Yu. Nepridumannaya tserkovnaya istoriya: vlast' i Tserkov' v Sovetskoj Rossii (oktyabr' 1917-go - konets 1930-kh godov). – Volgograd: Peremena, 1997. – 367 s.

12. Мавлютова З. Ш. Борьба советской власти с религиозным сознанием населения Зауралья в 1920-е гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1(14). – С. 191–195.

Mavlyutova Z. Sh. Bor'ba sovetskoj vlasti s religioznym soznaniem naseleniya Zaural'ya v 1920-e gg. // Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii. 2011. № 1(14). S. 191–195.

13. Никольская Т.К. Советская религиозная политика и борьба с протестантским подпольем в 1960-1980-е годы // Новая политическая история: Сборник научных работ. – СПб.: Изд-во ЕУСПб.; Алетейя, 2004. – 305 с.

Nicol'skaya T.K. Sovetskaya religioznaya politika i bor'ba s protestantskim podpol'em v 1960–1980-e gody // Novaya politicheskaya istoriya: Sbornik nauchnykh rabot. – SPb.: Izd-vo EUSPb.; Aleteiya, 2004. – 305 s.

14. Одинцов М. И. «Светское государство» в России, в идеологии и практике большевиков // От «Авроры» до «философских пароходов». Борьба с инакомыслием в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.). Региональный аспект: матер. III Всероссийской науч.-практ. конф., Пермь, 23–24 нояб. 2018 г. – Пермь: Пермский нац. исследовательский политехнический ун-т, 2018. – С. 13–29.

Odintsov M. I. «Svetskoe gosudarstvo» v Rossii, v ideologii i praktike bol'shevikov // Ot «Avrory» do «filosofskikh parokhodov». Bor'ba s inakomyслиem v pervye gody sovetskoj vlasti (1917–1920-e gg.). Regional'nyi aspekt: Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Perm', 23–24 noyabrya 2018 goda. – Perm': Permskii natsional'nyi issledovatel'skii politekhnicheskii universitet, 2018. – S. 13–29.

15. О мерах по усилению антирелигиозной работы. (Окончательная редакция, принятая комиссией ПБ на основании постановления ПБ от 24 января 1929 г. протокол № 61, п. 4). URL: <https://istmat.org/node/59437>

O merakh po usileniyu antireligioznoj raboty. (Okonchatel'naya redaktsiya, prinyataya komissiei PB na osnovanii postanovleniya PB ot 24 yanvarya 1929 g. protokol № 61, p. 4).

16. Письмо Л. Д. Троцкого по вопросу изъятия из церквей предметов, имеющих музейную ценность. 5 апреля 1922 г. URL: <https://istmat.org/node/34051>

Pis'mo L. D. Trotskogo po voprosu iz'yatiya iz tserkvei predmetov, imeyushchikh muzeinuyu tsennost'. 5 aprelya 1922 g.

17. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX в. – М.: Республика, 1995. – 511 с.

Pospelovskii D. V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX v. – M.: Respublika, 1995. – 511 s.

18. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью: В 2 книгах / Сост. Г. Штриккер. М., 1995. – 400 с.

Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v sovetskoe vremya (1917–1991): Materialy i dokumenty po istorii otnoshenii mezhdu gosudarstvom i tserkov'yu: V 2 knigakh / Sost. G. Shtrikker. M., 1995. – 400 s.

19. Смирнов М. Ю. Религия и Библия в трудах В. И. Ленина: новый взгляд на старую тему // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2011. – Т. 29. – № 2. – С. 106–125.

Smirnov M. Yu. Religiya i Bibliya v trudakh V. I. Lenina: novyi vzglyad na staruyu temu // Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2011. T. 29. № 2. S. 106–125.

20. Сосковец Л. И. Религиозные организации и верующие в Советском государстве / Л. И. Сосковец; под ред. Н. С. Ларькова. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. – 249 с.

Soskovets L. I. Religioznye organizatsii i veruyushchie v Sovetskom gosudarstve / L. I. Soskovets; pod red. N. S. Lar'kova. – Tomsk: TML-Press, 2008. – 249 s.

21. Сталин И.В. Сочинения. Т. 10.– М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949.

Stalin I.V. Sochineniya. T. 10. M.: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1949.

22. Сторчак В. М. Советская гражданская религия – М.: ИИЦ «АТиСО», 2019. – 399 с.

Storchak V. M. Sovetskaya grazhdanskaya religiya – M.: ITs «ATiSO», 2019. – 399 s.

23. Троцкий Л. Д. Сочинения / Л. Троцкий. – М.: Л.: Госиздат, 1924–1927. Серия 6: Проблемы культуры. Т. 21: Культура переходного периода. – 1927. – XI, 520 с.

Trotskii L. D. Sochineniya / L. Trotskii. - M.: L.: Gosizdat, 1924–1927. Seriya 6: Problemy kul'tury. T. 21: Kul'tura perekhodnogo perioda. – 1927. – XI, 520 s.

24. Федотов А. А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом – Иваново: Ивановский государственный университет, 2005. – 136 с.

Fedotov A. A. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 1943–2000 gg.: vnutritserkovnaya zhizn', vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom – Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2005. – 136 s.

25. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке.– М.: Вече, 2010. – 480 с.

Shkarovskii M. V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke. M.: Veche, 2010. – 480 s.

Kuznetsova A. A. On the issue of views on religion and the fight against it by Soviet statesmen in 1918–1928.

Abstract: the ideas and views of major Soviet figures about religion, its place in society and the fight against it in the period from 1918 to 1928, when the gradual establishment of Soviet power took place, are analyzed. The author comes to the conclusion that the views of Soviet leaders on religion during this period can be characterized as relatively liberal and only at the turn of 1928–1929, they will gradually begin to radicalize for a number of reasons. The main methods proposed by the authorities in the fight against religion are considered. Attention is drawn to the fact that in the texts and speeches of figures the importance of the gradual and non-violent eradication of religious thinking from society is repeatedly emphasized. However, after 1928, accusations of counter-revolutionary activities and demands for increased pressure on religious organizations and their leaders and changes in the nature of the policy towards the church began to appear in speeches.

Keywords: religion, Soviet Union, church and government, Bolsheviks, atheistic propaganda.